

0-783177

На правах рукописи

А.Н. Иванов

ИВАНОВ Александр Николаевич

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР РОССИИ И ШВЕЦИИ
(ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Киров
2010

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии
ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук,
доктор культурологии,
профессор
Костина Анна Владимировна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Поляков Олег Юрьевич

кандидат культурологии
Барышева Юлия Сергеевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

Защита состоится 18 июня 2010 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет».

Текст автореферата размещен на официальном сайте ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»: <http://www.kirov.ru>

Автореферат разослан «18» мая 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000723146

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В контексте современных социо- и геокультурных процессов проблема взаимодействия культур приобрела особую актуальность. Многократное ускорение темпов развития современной науки и техники привело к стремительному увеличению темпов жизни и количества межкультурных контактов. Исходя из этого, с большой степенью уверенности можно утверждать, что в мире не осталось ни одного народа, который бы хоть раз не испытал необходимости установления контактов с представителями иной нации. Контакты с другими этносами и культурами могут носить различный характер – от агрессивно-захватнического до дружеского. Изучение культур в их взаимодействии позволяет выяснить принципы и формы их взаимоотношений, степень их «совместимости» друг с другом и уровень близости их интересов.

Современный мир вступает в стадию, когда основой для разногласий становится не «непроницаемость» культур, а наоборот, их излишне интенсивное взаимопроникновение, не оставляющее им временного пространства для достаточно глубокой ассимиляции друг с другом и тем самым служащее основой для формирования новых конфликтов. Диалог как концепция, построенная на взаимодействии равноценных субъектов, обладает уникальным свойством поддержания отношений равноправия между его участниками. По принципу своего функционирования он противодействует глобализации, не позволяя ни одной из сторон занять доминирующую позицию. Таким образом, диалог обеспечивает взаимодействие двух независимых субъектов и поддерживает баланс сил между ними. Экономическая и ценностная экспансия высокоразвитых стран наряду с проблемой массовой миграции населения поднимают на новый уровень *актуальность* изучения принципа диалога культур как подхода к решению международных отношений.

Швеция – не только один из близких соседей России на северо-западе и одна из наиболее развитых стран Европы, но и давний партнер в области культурных и экономических отношений. Несмотря на это, сегодня практически отсутствуют серьезные исследования, которые позволили бы в полной мере понять, каким образом русская и шведская культуры соотносятся в современном быстро меняющемся мире, особенно после глобальных социальных и экономических перемен, полностью изменивших Россию в последние десятилетия. Эти перемены оказали огромное влияние на восприятие мира с точки зрения России и россиян, а также изменили представление о них самих извне. Какой предстает в глазах шведов Россия и что знают в России о Швеции; как воспринимаются основные ценности национальных культур: литература, философия, искусство, спорт; какие стороны общественной жизни в России хорошо знакомы современной Швеции и наоборот? И самый важный для культуролога вопрос: на чем это знание основано? На данный момент наука практически не располагает аргументированной, основанной на фактах информацией по этой теме. Количество подобных вопросов очень велико и все они требуют детального изучения.

Одним из основных ориентиров в культурологическом освоении таких комплексных явлений, как этнические и национальные культуры, является менталитет народов. В форме традиций, обычаев и поведенческих стереотипов в них фиксируются важнейшие культурно-исторические константы каждого этноса. Эта

информация формирует новые поколения представителей того или иного общества, в свою очередь, определяя его социокультурные ориентиры. Разработка вопроса о центральных константах национального характера особенно актуальна в обозначенном контексте, поскольку позволяет ориентироваться не только в принципах передачи культурных данных в пределах одной культурной единицы, но и внести ясность в понимание способов их обмена между разными культурами.

Константы культуры имеют разные формы выражения. Важнейшим способом передачи любого типа информации является, несомненно, вербальный код, представленный литературой. С ее помощью особенности культур способны преодолевать временные, географические и политические границы. Произведения крупнейших русских писателей XIX–XX вв. стали одним из главных источников формирования образа России в культурном сознании Запада, и в частности Швеции. Шведская литература тоже оставила заметный след в русском сознании. Для понимания глубинных основ русско-шведских культурных взаимоотношений важно знать, в какой степени литературное наследие обеих стран повлияло на формирование и характер диалога между ними.

Анализ константных свойств литературных отражений как главнейшего посредника в процессе культурного взаимодействия вкупе с исследованием основ национального характера обоих народов как источника народного духа также представляется *актуальным* в постановке проблем, связанных с диалогом культур.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос об интерференции культур приобрел актуальность уже в античности. Наиболее ранним трудом, где диалог зафиксирован как форма общения, являются «Диалоги» Платона, в которых диалогичность выступает в роли философской концепции, метода общения и познания действительности. Позднее этой проблеме посвящали свои труды Тацит, Ф. Петрарка, М. Монтень, Ж.-Ж. Руссо.

Выстраивание сегодняшнего дискурса диалога культур не представляется возможным без научного обоснования этой проблемы. Разработка этих вопросов связана с именами крупнейших культурологов, философов и историков И. Г. Гердера, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера. Гердер одним из первых указал на существование различных национальных культур и их уникальные свойства. Шпенглер отказался от стремления свести весь культурно-исторический процесс к одной стержневой логике, пронизывающей всю историю и находящей свое завершение в некой высшей точке, таким образом фактически утвердив «суверенитет» каждой из культур для всего философского мира. Это открытие создало для философов и культурологов возможность сравнивать те или иные культуры, а также проводить исследования в области межкультурных контактов и взаимовлияний.

Возникновение понятия «философия диалога» восходит к трудам философов-диалогистов начала XX в. (Ф. Эбнер, Ф. Розенцвейг, М. Бубер), а также работам Г. Марселя и Э. Левинаса. Для них человеческое Я создано для существования в диалоге. Сама по себе возможность говорить связывалась в их философии с природной диалогичностью индивида. В качестве замены «монологизма» этой школой разработана теория бисубъектной коммуникации, провозглашающая равноправие участников общения. Впоследствии *диалогизм* как особое направление философии разрабатывался как в отечественной (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев,

С. Л. Франк, В. А. Малахов, Г. С. Батищев, Я. С. Друскин), так и в зарубежной науке (А. Тойнби, Р. Барт, Х. Блум, А. Бём, Ю. Кристева, Дж. Морсон, К. Эмерсон, К. Томсон, Ю. Тишнер).

Понятие «диалог культур» сформировалось и развивалось в культурологии под воздействием трудов предшественников диалогической школы. Различные подходы к изучению диалога культур отражены в работах таких ученых, как М. С. Каган, Г. С. Померанц, В. Л. Махлин, Т. П. Лифинцева, М. Фридман, У. Джонстон и др. Серьезный вклад в развитие философии диалога и диалога культур внес В. С. Библер и его научная школа (А. В. Ахутин, М. С. Глазман, Т. Б. Длугач, Я. А. Ляткер, Л. А. Маркова, С. С. Неретина, В. Л. Рабинович, Л. Б. Туманова). Современные исследования, связанные с изучением диалога культур, проводятся в различных областях гуманитарного знания – культурологии (А. Хюлья, Ан Су Ми), философии (А. Ф. Малышевский, С. В. Медведко, И. Ю. Корюхина), филологии (О. Н. Колчина), педагогике (А. М. Кулага, Л. И. Орешкина, Л. А. Бахтеева), социологии (С. В. Луков), истории (О. А. Масалова). Для общего понимания процессов межкультурной коммуникации большое значение имеют работы А. В. Костиной и А. И. Шендрика.

Субъектная культурология, выводы которой важны в контексте данной темы, во многом основывается на понятии «картина мира», которое исследуется Т. Ф. Кузнецовой, Р. С. Карпинской, В. С. Степиным, В. И. Михайловским, Г. Н. Хоном и др. Тесно связанная с изучением культурных картин мира концепция констант культуры развивалась в работах Э. Жильсона, Г.-Г. Гадамера, С. В. Лурье, В. С. Степина, В. М. Межуева, А. Я. Флиера.

Проблема взаимоотношения национальных культур до сих пор является одной из наиболее сложных и наименее методологически разработанных в культурологии. Тематика культурных взаимоотношений России и Швеции развивалась в трудах Ю. А. Веселовского, А. А. Мацевича, К. Е. Мурадян, А. Г. Мысливченко, Д. К. Хачатурян, Д. М. Шарыпкина, В. П. Неустроева.

Что касается исследований, непосредственно посвященных проблемам русско-шведского культурного диалога, то их количество чрезвычайно ограничено. Этой теме посвящены работы Т. А. Чесноковой¹. Шведско-русские связи также изучаются шведскими исследователями, например П.-А. Будином, Т. Бургманом, Я. О. Делленбрантом, С. Нильссоном и др.² Как показал анализ литературы, проведенный в диссертации, в более широком культурологическом аспекте постановка и решение обозначенной проблемы практически не нашли отражения в науке³. Между тем, с разработкой ряда новых подходов к изучению культуры (в частности тезаурусного) открываются новые возможности в исследовании проблем культурного диалога. С учетом научной актуальности темы и ее недостаточной разработанности в культурологии в диссертации формулируются объект, предмет, цель и задачи данного исследования.

¹ Чеснокова Т. А. Шведская идентичность. Изменение национального менталитета. – М., 2008.; Чеснокова Т. А. Россия–Швеция: диалог культур. – М., 2004.

² Bodin P.-A. Ryssland och Europa. – Stockholm, 2006; Burgman T. Rysslandsbilden i Sverige. – Lund, 2001; Dellenbrant J. Å. Arvfänder?: om relationerna mellan Sverige och Ryssland i ett longitudinellt perspektiv. – Stockholm, 1988; Nilsson S. Rysskräcken i Sverige: fördomar och verklighet. – Örebro, 1990.

³ В ряду таких исследований можно отметить исследование С. В. Корниловой «Художественная культура Швеции нового времени в русскоязычной историографии XIX – нач. XXI вв.» (СПб., 2003).

Объектом исследования являются национальные культуры России и Швеции.

Предмет исследования – характер и формы диалогических взаимоотношений культур России и Швеции.

Цель исследования – опираясь на основополагающие характеристики диалогичности культур, охарактеризовать основной вектор и формы диалога национальных культур России и Швеции на базе тезаурусного подхода.

Целью определяются **задачи** диссертации:

- проанализировать теоретико-методологические основы исследования диалога национальных культур как проблемы культурологии;
- рассмотреть пути формирования и доминирующие характеристики русско-шведских культурных связей;
- на основе тезаурусного подхода выявить соотношение картин мира России и Швеции через анализ их культурных моделей и базовых констант;
- охарактеризовать диалог культур России и Швеции через анализ взаимотражений их литератур сквозь призму ведущих культурологов.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили важнейшие культурфилософские труды Ф. Эбнера, Ф. Розенцвейга, М. Бубера, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова. Диссертация базируется на сравнительно-типологическом методе исследования культурных текстов. При этом в качестве теоретико-методологической доминанты в данной работе используется тезаурусный подход, разрабатываемый научной школой тезаурусного анализа мировой культуры (Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Т. Ф. Кузнецова, Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин и др.)⁴.

Положения, выносимые на защиту:

1. Диалог культур представляет собой субъект-субъектные отношения и подразумевает отношение равноправия между сторонами, вовлеченными в процесс коммуникации. В процессе взаимодействия культур диалог выполняет двойную функцию: с одной стороны он обеспечивает возможность межкультурных контактов на мирных основаниях, а с другой стороны одновременно поддерживает баланс сил между вовлеченными в диалог субъектами, противодействуя развитию эффектов глобализации.

2. Для ориентации в социокультурном пространстве каждый из субъектов (в нашем исследовании – шведской и русской национальных культур) обладает тезаурусом, т. е. системой ориентирующих его ценностей и констант. Константы представляют собой наиболее устойчивые и значимые концепты – особого рода понятия, сочетающие в себе логические и ценностные основания.

3. Диалог культур в своей основе представляет собой диалог картин мира. Картина мира, будучи сосредоточением важнейших констант для формирования идентичности нации и культуры, является ядром ее самосознания. Наличие или отсутствие одинаковых или близких друг к другу констант, концептов и основополагающих принципов функционирования в картинах мира разных культур по-

⁴ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. – М., 2008; Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ – М., 2008; Гайдин Б. Н. Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса»: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2009.

звolyет определить степень близости этих культур и степень их вовлеченности в процесс диалогизации.

4. Литературные взаимоотражения между тезаурусами культур представляют собой один из наиболее достоверных источников информации о направлениях культурного взаимодействия во времени и пространстве. Литература отражает основные особенности национального характера народа, а также позволяет точно проследить процесс перемещения культурных констант (авторов, произведений, литературных героев и др.) между тезаурусами различных культур, что в свою очередь позволяет выяснить степень их влияния друг на друга в процессе диалога культур. В русском культурном тезаурусе оказываются, в большей степени, освоенными литературные образы и константы Августа Стриндберга, Сельмы Лагерлеф, Астрид Линдгрен, а в шведском культурном тезаурусе – Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

5. «Супер-константой», объединяющей в себе набор других крупных констант русской культуры, является понятие «русской души». Эта константа отражается в творчестве Гоголя, Гончарова, Толстого, Достоевского, Чехова и других крупных русских писателей и противопоставляется логике, продуманности и рационализму западноевропейской культуры. Это понятие оказывается смыслообразующим для таких констант, лежащих в основе картины мира (центров тезаурусов) культуры России, как коллективизм, полярность мышления, привязанность к культурным традициям. Для Швеции такими константами культуры, составляющими центр тезауруса, являются индивидуализм, умеренность (от *lagom* – в меру), современность (*modernitet*).

6. Различия в содержании культурно-исторических констант, формирующих картины мира Швеции и России, очень велики. Индивидуальное начало шведской культуры противопоставлено общинному в русской, *lagom* – полярности мышления и определенному максимализму, современность – отчетливой привязанности к культурным традициям, четкая направленность на практичность – иррациональному нежеланию следовать за организационно-материалистическими тенденциями Запада. На уровне картин мира сегодня можно говорить только о зарождении прямого диалога между ними.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- выявлены основные характеристики констант и концептов культуры и обосновано их положение в ядре культурного тезауруса субъекта;
- показана роль диалога культур России и Швеции в процессе межкультурной коммуникации;
- впервые на основе тезаурусного подхода выделены основополагающие константы и концепты, лежащие в основе картин мира (центров тезаурусов) культур России и Швеции;
- определены константы шведской и русской литератур, а также охарактеризованы взаимоотражения между ними;
- впервые на основе полученных результатов произведен анализ степени диалогизированности тезаурусов русской и шведской культур.

Теоретическая значимость исследования состоит в выработке и применении новых методологических оснований (тезаурусного подхода) к анализу межкультурных связей, что позволит использовать их в анализе коммуникативного

пространства культуры. Содержащиеся в диссертации теоретические идеи и выводы способствуют дальнейшим типологическим исследованиям культуры в контексте диалогизма.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут использоваться в вузовских курсах истории и теории культуры, теории и истории литературы, в разработке спецкурсов, в прикладных исследованиях смежных проблем.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на ряде научных конференций и семинаров, в том числе на VI международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, 2009 г.), 4 научных симпозиумах «Тезаурусный анализ мировой культуры» (2007–2008 гг.) каф. культурологии МосГУ. По теме диссертации опубликовано 10 научных работ. Отдельные главы диссертации и вся диссертация в целом обсуждались на кафедре философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Структура диссертации определяется поставленными задачами, включает Введение, 3 главы (в каждой по 2 параграфа), Заключение и список использованной литературы, включающий 210 источников. Общий объем диссертации 168 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, выявлена степень ее научной разработанности, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, раскрывается методологическая база работы, определяются ее новизна и научно-практическая значимость.

В первой главе – «**Теоретико-методологические основы исследования диалога национальных культур**» – представлен теоретический анализ понятия «диалог культур» и принципы применения тезаурусного подхода к анализу культур. В параграфе 1.1. – «**Диалог национальных культур как проблема культурологии**» – отмечается, что понятие «диалог культур», несмотря на его сегодняшнюю популярность, сравнительно недавно появилось в научном и бытовом обиходе. Однако признаки диалогичности известны науке по трудам крупнейших мыслителей со времен античности (Платон, Тацит), средних веков и Возрождения (Петрарка, Монтень), эпохи Просвещения (Руссо, Гердер).

Сравнение культур и анализ диалога между ними невозможны без восприятия их в качестве независимых единиц. Вопрос о существовании различных культур привязанных к той или иной народности сыграл ключевую роль для образования культурологии. Значительный вклад в развитие научных идей о многокультурном мире внесли И. Г. Гердер, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер. Они выявили факт очевидных несоответствий категорического характера между культурами разных народов и перенесли восприятие культуры и культур на новый уровень понимания.

Возникновение философии диалога связано с началом XX в. Разработка этого термина принадлежит австрийско-немецкой школе диалогистов (Ф. Эбнер,

Ф. Розенцвейг, М. Бубер). Впоследствии идеи диалога как образа и основополагающего принципа мышления активно развивались М. М. Бахтиным, А. Д. Тойнби, В. С. Библером и его научной школой диалогистики, рассматривавшей диалог культур как ситуацию столкновения принципиально несводимых друг к другу «культур мышления, различных форм разума»⁵. Первая мировая война сыграла роль катализатора в процессе развития тесных международных отношений. Кроме того, процесс индустриализации подталкивал страны – как большие, так и малые – к активному сотрудничеству, которое в XX в. превратилось в жизненную необходимость. В работе отмечается, что диалог культур имеет, помимо культурфилософских, и глубоко практические задачи политического, экономического и духовного характера.

С другой стороны, активный диалог в сфере политики и экономики привел к образованию крупных международных организаций и альянсов, что в дальнейшем выразилось в ослаблении национальных государств и культур. XXI в. охарактеризовал себя появлением антиглобалистских настроений, связанных с желанием бороться с насаждением культуры, основанной на потребительских ценностях. Основной проблемой современного мира становится излишне быстрое взаимопроникновение культур, а не их «непроницаемость». В этой ситуации основные функции диалога как метода понимания действительности и сосуществования приобретают новый уровень актуальности.

Диссертантом выделяются следующие основополагающие черты диалога как способа взаимодействия культур:

- философия диалога строится на противопоставлении философии эгоцентризма, доминировавшей в западной мысли вплоть до начала XX в. Для этой философии характерно субъект-объектное (Я–Оно) отношение, где субъект всегда активен и подчиняет объект своей воле. По мнению диалогистов, философия, основанная на Я, исключает или значительно ограничивает возможности субъекта (будь то отдельный человек или целая нация) в контактах с окружающим миром и приводит к различного рода конфронтациям и конфликтам, от дискриминаций и притеснений по тем или иным признакам (национальность, пол, сексуальная ориентация) до революций и войн;

- диалог культур представляет собой субъект-субъектное отношение (Я–Ты) и подразумевает отношение равноправия между сторонами, вовлеченными в процесс коммуникации. Равноправие – важнейшая из функций диалога;

- отсюда проистекает еще одна важная функция философии диалога – ее противопоставление агрессии, «войнам тезаурусов», обусловленным «затворенностью» монологического ума. Предпосылкой к развитию диалогизма стали крупнейшие международные катаклизмы первой половины XX в., поэтому философия диалога, зарождавшаяся именно в этом контексте, представляет собой не что иное, как призыв к восстановлению и поддержанию мира;

- диалог поддерживает отношения непоглощения между его участниками. Одним из его основных свойств является противодействие процессу глобализации. По принципу своего функционирования он не позволяет ни одной из сторон

⁵ Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1998.

занять доминирующую позицию. Таким образом, диалог обеспечивает взаимодействие двух независимых субъектов, одновременно поддерживая баланс сил между ними.

Параграф 1.2. – «*Тезаурусный подход к исследованию диалога культур*» – посвящен рассмотрению понятия «тезаурус» и тезаурусного подхода к анализу культурологического материала. В соответствии с концепцией, разработанной Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым, центральное понятие применяемого в работе подхода – *тезаурус*. В общих чертах под тезаурусом подразумевается «полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание»⁶. Ключевым словом в определении тезауруса является понятие «субъект». Субъектность – основная черта, отличающая научный метод тезаурусного подхода от прочих культурологических школ (эволюционистской, социологической, сравнительно-исторической, натуралистической и др.). Изучению подвергается только та часть культуры, которая по тем или иным причинам актуальна для рассматриваемого нами субъекта. Субъектная культурология призвана изучать закономерности и историю развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства, смены культурных тезаурусов.

Главным дифференцирующим принципом внутри тезауруса является принцип деления на *свое* и *чужое*. В ситуации, когда два или несколько тезаурусов вступают во взаимодействие друг с другом, к паре *свое-чужое* добавляется еще одна компонента – *чуждое*. Категория *своего* крайне важна для выживания субъекта. Следовательно, чрезвычайно значимым представляется и поддержание его целостности. Далеко не каждый из входящих в соприкосновение с тезаурусом внешних факторов допускается в область *своего*. Свободный доступ любой информации к центру тезауруса поставил бы под непосредственную угрозу сохранность его содержания. Для поддержания *своего* в тезаурусе любого субъекта существуют защитные механизмы. Таких механизмов выделяется три: идентификация, ингрупповой фаворитизм и управление впечатлениями. Однако, очевидно, что полная изоляция *своего* от внешнего мира неизбежно привела бы к гибели тезауруса. Наличие коммуникации между тезаурусами является залогом способности к адаптации и выживания в постоянно изменяющихся условиях. Вследствие отсутствия внешних импульсов к развитию закрытая система обречена на угасание и смерть. Но процесс «освоения» внешних раздражителей не является чисто механическим движением и далеко не все из приходящих извне феноменов доходят до этой стадии. Прежде чем «освоиться», любая информация должна пройти через стадию *чуждого*. *Чужое* является составной частью тезауруса, т. е. входит в его структуру. *Свое* и *чужое* находятся в состоянии постоянного взаимодействия. Информация из области чуждого может по необходимости актуализироваться, переходя в область своего, и также деактуализироваться, если необходимость в ней

⁶ Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания : науч. монография / Вал. А. Луков, Вл. А. Луков. – М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – С. 67.

отпадает. Для защиты *своего* от свободного проникновения *чужого* в тезаурус также выработаны определенные защитные механизмы: амбивалентности и индифферентности. С помощью механизмов амбивалентности и индифферентности *чужое* в необходимых дозах допускается в область *своего*, выполняя одновременно функцию «зеркала», в котором постоянно отражается и корректируется содержание *своего*. Все, что находится за пределами тезауруса, воспринимается им как *чуждое*. В отличие от *чужого*, которое хотя и не входит в центр тезауруса, но является его составной частью, *чуждое* рассматривается тезаурусом как элемент, потенциально способный разрушить структуру *своего*. Чтобы не допустить проникновения *чуждого*, тезаурус отделен от окружающей среды плотной границей – мембраной. Мембрана подвергает всю приходящую к ней извне информацию жесткому «контролю», отфильтровывая небезопасные элементы.

Существует также альтернативное определение тезауруса, проливающее дополнительное свет на его внутреннюю структуру. Данная формулировка позволяет получить более четкое представление о механизме анализа межкультурных контактов. Тезаурус – это весь объем информации (вербальной – в виде концептов и невербальной – в виде совокупности невербализованных образов), структурированной на основе картины мира. В тезаурусной концепции под картиной мира подразумевается «система культурных констант (наиболее устойчивых концептов и образов)». При таком подходе понятие «*взаимоотражение*» в наиболее общем виде описывает ситуацию встречи двух тезаурусов, прежде всего – двух картин мира, ту форму, которую приобретает их диалог, последствия этого диалога. Взаимоотражения разных культур характеризуют уровень их взаимопонимания.

Одним из основополагающих подходов к изучению глубины взаимоотражений культур является изучение *констант культуры*. При определении констант культуры диссертант отталкивается от определения, данного Ю. С. Степановым в его труде «Константы: Словарь русской культуры»: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время»⁷. Константы по определению принадлежат центру тезауруса, области *своего*, и соответственно играют важнейшую роль в его идентификации. По количеству констант, являющихся общими для обеих систем, можно судить об уровне их сходства и взаимопроникновения. С другой стороны, то или иное явление, находясь в области *своего* одного из анализируемых тезаурусов, может обнаружиться в области *чужого* или даже *чуждого* для второго тезауруса. Таким образом, выявление сходств и различий в константном наполнении тезаурусов позволит нам определить степень сходств и различий, выработанных в ходе диалога между тезаурусными системами.

Другим фундаментальным термином и одной из важнейших составляющих тезауруса считается *концепт*. Под концептом мы, вслед за Ю. С. Степановым и пользуясь его формулировками, понимаем «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток культуры в сознании человека»⁸. В тезаурусном подходе концепт характеризуется как

⁷ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004. – С. 84.

⁸ Там же. – С. 43.

выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа. Его связывает с другими концептами не только логическое, но и ценностное отношение. Содержание одних концептов более образно, другие – более понятийны, но это не изменяет двустороннего единства их структуры. Такое свойство концепта обусловлено необходимостью обслуживания как интеллектуальной, так и чувственной стороны человеческого бытия.

Одной из важнейших групп концептов, характеризующих каждую культуру, являются так называемые «ценности». Ценность – то, что позволяет нам ориентироваться в социальной и культурной среде, реализуя наши стратегические интересы. При помощи ценностей поведение людей вводится в рамки определенных социальных устоев, подчиняется общим правилам коллективной жизни, культурным образцам. Набор ценностей в общем и целом формирует каркас для образования *ценностных ориентаций субъекта*. Под ценностными ориентациями подразумевается весь комплекс ценностных установок, определяющий генеральное направление развития тезауруса. Определение ценностных ориентаций позволяет дать объяснение причинам притяжения или неприятия тех или иных культурных данных. Осмысление ценностных ориентаций различных культур – один из важнейших способов оценки уровня взаимоотражений между ними.

В диссертации делается вывод о том, что для тезаурусного анализа диалога культур необходимо:

- выделить и проанализировать константы и концепты каждой из интересующих нас культур;
- локализовать их положение в пределах каждого из культурного тезаурусов, поскольку целью нашего исследования является изучение тезаурусов двух культур в их взаимодействии;
- произвести анализ глубины взаимопроникновения констант, концептов и понятий каждой из культур друг в друга.

Вторая глава – **«Национальные культуры России и Швеции: две картины мира»** – посвящена раскрытию основных характеристик шведской и русской культур, а также анализу степени и характера их диалогизированности. В параграфе 2.1. – **«Универсалии русской культуры в контексте тезаурусного подхода»** – рассматриваются основополагающие константы русской и шведской культур и проводится исследование глубины их взаимоотражений. Подвергается анализу понятие «русская душа», загадочное как для большинства иностранцев, так для самих россиян, и делается предположение, что «русскую душу» может представить в качестве центра русской картины мира, обобщающей основные свойства русского менталитета. Сам по себе факт наличия национального признака у «русской загадочной души» является основанием для проведения границы между русским и другими народами. Нередко встречаются мнения о «бездуховности» представителей иных культур (в первую очередь западноевропейских), главным свойством которых, с этой точки зрения, является холодная расчетливость.

Далее предлагаются возможные причины возникновения разделения между русским и западноевропейскими народами. Отмечается, что это разделение имеет тысячелетнюю историю, и немаловажным основанием этому послужил произошедший в 1054 г. конфликт между православной и католической церквями, приведший к разрыву двух ветвей христианства. Дополнительным разделяющим фак-

тором выступило различие в языках. Вышеперечисленные факторы привели к асинхронности развития и появлению культурного барьера между Россией и Западом. Есть основания предположить, что и само понятие о «русской душе» также родилось вследствие этого разделения. Подробно излагается точка зрения шведского исследователя, профессора кафедры славянских языков Стокгольмского университета Пер-Арне Будина (Per-Arne Bodin). Он утверждает, что идея о «русской душе» почерпнула вдохновение в идеях немецкого романтизма. И. Г. Гердер в это время пришел к выводу, что изучение фольклора разных стран позволяет определить особый характер каждой нации, который он обозначил словом «Geist» – дух. Позднее Гегель сформулировал понятие о «народном духе» (Volkgeist) каждой нации, приносящем свою роль в мировую историю. Представление о «народной душе» стало, таким образом, инструментом формирования народного самосознания.

Сходные процессы можно обнаружить и в русской культуре. Образ «высокодуховной» России в Западной Европе, и в частности Швеции, создавался во многом через произведения крупных русских писателей и литературных критиков. Кроме того, свою лепту в формирование русской идеи и понятие русской души впоследствии внесли славянофилы. Подчеркивается использование константы «русская душа» у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах», И. А. Гончарова в «Обломове», Л. Н. Толстого в «Войне и мире», где она оказывается символом лучших качеств русского характера, связанных со стремлением к высоким идеалам, не имеющим ничего общего с материальными субстанциями. Таким образом «русская душа» превратилась в символ естественности, позиционируемый в качестве противовеса искусственности и жеманности культуры всей Западной Европы, во главе с ее главными представителями Германией и Францией. Русская душа возносится Достоевским до статуса общечеловеческого идеала и готова охватить собою весь мир.

Диссертант рассматривает картину мира русской культуры, «русскую душу» как «супер-константу», объединяющую в себе набор других крупных констант. Русский тип мышления, отраженный в творчестве Гоголя, Гончарова, Толстого, Достоевского, Чехова и других крупных русских писателей, характеризуется прежде всего через близость к природе, сиюминутной спонтанности, основанной на чувственном начале, в противопоставлении логике, продуманности и рационализму. Это исторически прослеживаемое нежелание русской культуры следовать за локомотивом «паровой машины» прогресса – иррациональность, позиционируется диссертантом в качестве основополагающей константы русского тезауруса. К этой константе примыкает такое широко известное свойство русского характера как слабое умение структурировать и планировать будущее. «Русская душа» излишне склонна к удовлетворению своих сиюминутных желаний для того, чтобы педантично воплощать в жизнь долгосрочные планы.

Чем более цивилизовано и технократично общество, тем менее весомы в нем межчеловеческие связи. В силу своего иррационального начала русское общество в сравнении с западноевропейским никогда не достигало сходного уровня организации и потому сохранило относительно высокий уровень зависимости друг от друга, а потому и единства. Общинность как принадлежность к определенному кругу взаимодействия и следование правилам, принятым в этом

минисоциуме, братство («кумовство»), коллективное начало в труде и ценностной системе координат играет для русского человека значительную роль, поскольку община обеспечивает индивида поддержкой в сложных ситуациях. Следовательно, общинность можно считать одним из основных свойств «русской души», а также одной из основополагающих констант русской картины мира.

Ф. М. Достоевский в качестве одного из важнейших качеств указывает на способность русской культуры к интеграции в другие культуры. Россия, обладая огромными географическими пространствами, со всех сторон окружена странами и культурами различного содержания. Взаимодействие с ними, естественно, было и есть неизбежно, однако взаимоотношения с ними, по мнению диссертанта, носят скорее абсорбирующий, чем приспособительный характер. Русский тезаурус легко впитывает в себя артефакты, константы и концепты иных культур, но чаще всего не допускает их в центр области «своего». Приходящие извне культурные коды достигают области «чужого», где ими можно пользоваться по мере необходимости, но не более того. Амбиции общечеловеческого масштаба, отмечаемые П.-А. Будином⁹ в «русской душе», есть не что иное как стремление русского тезауруса впитать в себя и русифицировать как можно более широкий спектр культурного материала (византийского, татаро-монгольского, скандинавского, немецкого, французского, английского, американского и др.). Этому способствуют не только размеры страны, но и ее географическое положение, связующее Запад, Восток, Юг и Север. Россия выказывает мессианские амбиции о становлении центром мировой цивилизации, прежде всего потому, что чувствует свою принадлежность ко всем сторонам света. Православие – центр духовного самосознания русского человека – позиционирует себя как наиболее древняя и неподверженная изменениям ветвь христианства, а потому и самая «достоверная». Это свойство дает ему право не только претендовать на центральную позицию в христианском мире, но и, кроме того, проводить экспансию за его пределами. Таким образом, абсорбция, стремление впитать в себя, освоить как можно большее количество культурной информации, рассматривается диссертантом как еще одна из важнейших констант русской картины мира.

Следующая константа, заметно выделяющая русскую культуру на фоне других мировых культур – «полярность мышления». Она плотно связана с «иррациональностью» русской натуры. Н. А. Бердяев видел в противоречивости одно из основных качеств русского характера, находя этому объяснение именно в смещении западного и восточного типов мышлений, языческой стихии и аскетического православия. Это константа проявляет себя как на бытовом, так и на глобальном уровне. Исторически наиболее очевидны радикальные смены политических и социальных направлений, со времен кардинальных реформ Петра I до распада СССР.

В параграфе 2.2. – «*Культурные доминанты шведского менталитета*» – анализируются базовые константы шведской картины мира. За основополагающую константу шведской картины мира в диссертации принимается «индивидуализм», исторически наиболее прочно закрепившийся в ее центре. Следствием ин-

⁹ Bodin P.-A. Ryssland. Idéer och identiteter. – Skellefteå : Norma, 2000. – С. 154.

дивидуалистических тенденций в обществе стало стремление к автономности каждой личности, основанной на равноправии каждой из них по отношению друг к другу. Ответственность за реализацию этого стремления была возложена на органы центральной власти, что обусловило ставший уже традиционно высоким уровень законопослушности и доверия народа власти придерживающимся. Отмечается, что конфликт между независимостью индивида и его принадлежностью к сообществу находит в шведском обществе особое решение. Его теоретическая суть была сформулирована задолго до ее реального воплощения И. Кантом в его категорическом императиве: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Императив Канта дает каждому волю самостоятельно решать, что хорошо, и что плохо в той или иной ситуации. С другой стороны, такое положение автоматически накладывает на каждого человека обязательство создавать и поддерживать правила и законы, что положительно сказывается на уровне равноправия и гражданской ответственности. Проводится связь между шведской государственной системой и Общественным договором Ж.-Ж. Руссо, основная задача которого – «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личности и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». У шведского общественного договора много имен: народный дом (*folkhemmet*), шведская модель (*den svenska modellen*), социал-демократическое общество благосостояния (*den socialdemokratiska välfärdsstaten*). В своей основе все эти понятия символизируют государственную систему, способную, как в кантианском лесу, гарантировать гражданам независимость друг от друга, но не от нее самой.

В диссертации показано, что построение одной из наиболее эффективных в мире систем социальной поддержки, создавшей образ Швеции во всем мире, полностью соответствует общему направлению развития шведского тезауруса. Высокий уровень гарантий и помощи со стороны государства снижает степень зависимости людей друг от друга – основной цели общества, построенного на индивидуальном начале. Благодаря ей непосредственная зависимость от семьи, родственников, друзей, работодателей и общественных объединений минимизировалась. Таким образом, шведское государство взяло на себя те функции, которые традиционно являлись основой для поддержания тесных социальных связей. «В Швеции ценности шведского индивидуализма не подвергаются сомнению и в отношении этого мы, шведы, не “*lagom*” (умеренны – прим. авт.), а экстремальны», – считает стокгольмский этнолог Карл-Улов Арнсберг¹⁰. В этом контексте интересный смысл приобретает провокационное утверждение Руссо о необходимости принуждения граждан к свободе: «...чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, од-

¹⁰ Arnsberg K.-O. Typiskt svenskt. 8 essäer om nutida Sverige. – Stockholm, 2005. – S. 88.

новременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости»¹¹. Действительно, единственной неоспоримой аксиомой пропитанного идеями всевозможных свобод шведского общества видится сама по себе идея индивидуального начала, олицетворяемая государством и проводимой им социально-экономической политикой.

Подчеркивается, что с индивидуализмом тесным образом связана уже упомянутая константа шведской национальной культуры и менталитета – умеренность (от “lagom” – в меру). По мнению диссертанта, образование константы “lagom” явилось следствием развития парадигмы индивид–государство. Шведское общество на уровне индивида фактически выработало договор с органами власти, в котором первые выказывают последним полную поддержку и доверие в обмен на гарантию обеспечения порядка, независимости и равных условий существования для каждого гражданина вне зависимости от пола, возраста, национальности, социального положения, финансовой обеспеченности и прочих признаков. Это стремление к избеганию крайностей явилось залогом образования константы “lagom”, символизирующей жизненно необходимое для существования «кантианского леса» умеренное равноправие. Понятие о “lagom” возведено в ранг стандарта. Шведское общество не приемлет излишнего богатства или бедности, о чем свидетельствует уже более чем полувекковая традиция правления социал-демократической партии под девизом «Никто не останется позади» (“Alla ska med”). Стремление к большим деньгам, приравненное во многих капиталистических странах к смыслу жизни, не находит приветствия и понимания в шведском национальном тезаурусе. Для шведа намного более существенны спокойная жизнь и количество свободного от работы времени, которое можно проводить с семьей, друзьями или тратить на образование, хобби и т. п. В сфере образования среднестатистической «народной» оценкой считается “Godkänt” (удовлетворительно) – средняя из трех возможных, причем такой результат не считается зазорным. На уровне личного общения шведам также свойственна умеренность. Шведы всегда внешне приветливы, но им несвойственно «раскрывать душу» или публично демонстрировать свои чувства. Стремление к нейтральности проявляет себя и в отношениях полов, благодаря чему Швецию на сегодняшний день характеризуют как страну, где феминистическое движение достигло наибольших успехов в мире. “Lagom” представляет из себя одну из ключевых констант шведской культуры, заключающей в себе основы шведского национального духа.

Выделяется еще одна основополагающая константа в самосознании шведов как нации – «современность» (“modernitet”), т. е. представление о принадлежности Швеции к числу высокоразвитых и рационально организованных стран, где в качестве ведущих принципов выступают справедливость и высокая степень социальной защиты. Понятия о религиозности, духовности, традициях, культурном наследии по статусу во многом приближены к пережиткам прошлого, о которых если и говорят, то в контексте дискуссий о выходах из других стран или во время празднования Рождества и Праздника середины лета. Слово «традиционный» (“traditionell”) во многих контекстах носит негативный характер. Буду-

¹¹ Rousseau J.-J. Om samhällsfördraget eller Staträttens grunder. – Stockholm: Natur och kultur, 1994. – S. 28.

чи пропитанной идеей рационализма, современная шведская культура не видит прямого смысла в следовании потерявшим актуальный смысл традициям прошлого. С этой точки зрения константа «современность» (“modernitet”) также находится в тесной связи с константой «индивидуализм». В тяготении к следованию последним тенденциям (как на личном, так и на национальном уровнях), готовности и желании приспособливаться к постоянно изменяющимся требованиям окружающего мира просматривается поведение индивида, который вынужден вживаться в коллектив, стремление соответствовать требованиям и следовать правилам. Доминирующие мировые тенденции, как правило, очень быстро приживаются в шведском тезаурусе. Швеция легко впитывает в себя фрагменты различных культур, в больших количествах принимая иммигрантов из многих стран мира. «Современность» в этом смысле равна желанию не остаться позади в гонке за достижениями мирового прогресса, быть «не хуже других». Все три вышеперечисленные константы, будучи тесно взаимосвязанными, образуют собой центр тезауруса или основу картины мира шведской культуры.

На основе вышесказанного в работе делается вывод, что основополагающие принципы устройства тезаурусов Швеции и России фактически противоположны друг другу. Почти полное отсутствие сходных констант и концептов объясняется историческими, географическими, религиозными и лингвистическими различиями, которые вкупе дают две совершенно разные картины мира. Индивидуальное начало шведской культуры противопоставлено общинному в русской, lagom – полноты мышления и определенному максимализму, современность – отчетливой привязанности к культурным традициям, четкая направленность на практичность – иррациональному нежеланию следовать за организационно-материалистическими тенденциями Запада. Исследование показывает, что различия в содержании культурно-исторических констант, формирующих картины мира Швеции и России, очень велики. На уровне картин мира сегодня можно говорить только о зарождении прямого диалога между ними. Несхожесть менталитетов Швеции и России, является существенной преградой для взаимопонимания народов этих стран. Но в то же время именно такое различие, если оно не становится причиной «войны тезаурусов», создает им необходимую основу для плодотворного диалога в будущем.

В третьей главе – **«Россия и Швеция: диалог культур во взаимоотражении литературы»** – анализируется позиция шведских писателей в тезаурусе русской культуры и аналогичное влияние русских писателей на тезаурус Швеции. Литература является, несомненно, главным носителем и посредником интеллектуального контакта между народами. По этой причине изучение литературных отражений обладает ни с чем не сравнимой ценностью при изучении диалога национальных культур.

В параграфе 3.1. – **«Шведские писатели как константы русской культуры»** – проводится исследование русского культурного тезауруса на предмет освоившихся в нем шведских литературных влияний. Анализ показал наличие в нем трех основных констант. Старейшей из них в современной русской культуре является феномен Августа Стриндберга, имя и творчество которого глубоко закрепилось в русском литературном тезаурусе. Высокую оценку творчеству Стриндберга давали Л. Н. Толстой, А. А. Блок, М. Горький, А. П. Чехов. Его наследию

посвящены многочисленным научным исследованиям (Д. М. Шарыпкин, В. П. Неустроев и др.¹²).

В качестве второй крупнейшей шведской литературной константы в русском культурном тезаурусе автором рассматривается творчество Сельмы Лагерлеф, известной русскому читателю прежде всего как автор «Чудесного путешествия Нильса Хольгерссона с дикими гусями», хотя ее перу принадлежит целый ряд художественных, исторических и страноведческих книг. Выделяется несколько факторов, способствовавших ее «освоению» в центре русской картины мира. В 1909 г. заметный резонанс создала врученная ей (первой женщине в мире) Нобелевская премия по литературе. Следующим фактором, способствовавшим глубокой ассимиляции Лагерлеф в России стал мультфильм «Заколдованный мальчик», созданный в 1955 г. по книге о путешествиях Нильса Хольгерссона. Мультфильм стал одним из наиболее популярных в нашей стране. Огромная известность книги и мультфильма с ранних лет формирует у детей и взрослых первое впечатление о Швеции и её положении на карте мира. Образ мальчика Нильса, путешествующего с дикими гусями, приобрел широчайшую популярность у русского читателя, заняв одно из ведущих мест в галерее детских «вечных образов» наряду с Мойдодыром, дядей Степой, Золушкой, Бременскими музыкантами, Робинзоном Крузо, Гулливером, капитаном Немо и др., что свидетельствует об его популярности и константном статусе в русском культурном тезаурусе. Сохраняясь в русском культурном сознании на уровне мифологема, эти образы вписались в картину мира, созданную русской культурой.

По мнению диссертанта, еще более устойчивым константным статусом в русском тезаурусе обладает наследие шведской писательницы Астрид Линдгрен. Отмечается, что герои творений писательницы настолько плотно вошли в сознание русскоязычного читателя, что они в значительной степени потеряли свою исходную национальную принадлежность. В качестве наиболее яркого примера приводится произведение «Карлсон на крыше». Степени проникновения образа в русскую культуру послужили многочисленные издания книги (в период с 1957 по 1973 гг.). Однако решающую роль для «освоения» этого литературного образа сыграли экранизации «Малыш и Карлсон» (1968) и «Карлсон вернулся» (1970), созданные на студии «Союзмультфильм» с участием известнейших русских актеров (В. Ливанов, К. Румянова, Ф. Раневская и др.). После этого книга и ее герои глубоко освоились в центре русского тезауруса и, кажется, окончательно потеряли для русского человека свою исконную национальную принадлежность. Подобной известностью пользуется трилогия «Пеппи длинный чулок» и большая часть книг Линдгрен. Многие из них стали основой для художественных и мультипликационных фильмов, спектаклей и т. п. Российская медаль Льва Толстого, присужденная писательнице в 1989 г., символизирует признание ее значимости для русского культурного сообщества.

В параграфе 3.2. – *«Классики русской литературы как константы шведской культуры»* – освещаются русско-шведские литературные связи. Отмечается, что первое знакомство шведского читателя с русской литературой зафиксированы

¹² Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. – Л.: Наука, 1980; Неустроев В. П. Литература Скандинавских стран, 1870–1970. – М.: Наука, 1980; Чеснокова Т. А. Россия–Швеция: диалог культур. – М.: РГТУ, 2004.

уже в начале XVIII в. Проникновению русской литературы в Швецию активно способствовала Финляндия, присоединенная в 1809 г. к России. Роль посредника между литературными мирами России и Швеции выполняла также Германия. Определенной известностью пользовалось творчество М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. Славист, писатель и переводчик Альфред Йенсен утверждал, что Гоголь – первый реалист европейской литературы. Гений А. С. Пушкина не занял центральной позиции в шведском тезаурусе. Однако следует отметить, что в Упсале была защищена первая в мире докторская диссертация по его творчеству. По мнению диссертанта, первым константного статуса в культуре Швеции достиг И. С. Тургенев. Значимость его вклада в историю европейской культуры признавалась ведущими литературоведами Швеции (К. Р. Нюблум, А. Йенсен). В соответствии с их высказываниями, Тургеневу удалось выйти с локального на международный, общечеловеческий уровень искусства. Творчество Тургенева рекомендовалось “Dagens nyheter”, одной из крупнейших шведских газет. В 1886 г. он стал наиболее широко обсуждаемым писателем в Швеции.

Самой устойчивой и русской литературной константой в шведском культурном тезаурусе является Ф. М. Достоевский. Подчеркивается, что писатель пользуется авторитетом гиганта истории литературы, его книги присутствуют на книжных полках в большинстве шведских домов, наряду с другими бессмертными классиками мировой литературы. Со времен первых публикаций по наши дни он – один из наиболее читаемых шведами классиков, преодолевший границы своего времени и национальной специфики.

Сходного по силе и значимости уровня признания достиг в Швеции Л. Н. Толстой. Шведская критика утверждала, что его творчество переворачивает все представления о художественном творчестве (Эллен Кей, 1849–1926). Подчеркивается значение Толстого и русской литературы в целом для развития интереса к жизни России и происходящим в ней изменениям. Затрагивается отраженная в творчестве Толстого противоречивость русского характера (определяемая автором как константа «полярность мышления»). «Война и мир» был одним из лучших романов, когда-либо издававшихся в Швеции и в Европе в целом, что подтверждает глубокую степень «освоения» наследия классика в тезаурусе Швеции.

К началу XX в. огромного успеха на шведской театральной сцене достигло творчество А. П. Чехова. Отражается точка зрения профессора литературоведения У.-Б. Лагеррот, позиционирующей наследие Чехова в одном ряду с Шекспиром, Стриндбергом, Ибсеном, Достоевским, Тургеневым и другими величайшими писателями и драматургами. Можно констатировать, что сочинениям Чехова удалось значительно повлиять на развитие шведского театра в целом. Неизменный интерес к Чехову на протяжении века указывает на вневременный характер и универсальную актуальность его вклада в шведскую культуру, подтверждая тем самым его центральное положение в картине мира Швеции.

В работе обращается внимание на воздействие Тургенева и Достоевского на творчество писателя и критика Густава аф Гейерстама (1858–1909). Многие поэтизировала у Тургенева и Толстого писательница Виктория Бенедиктссон (1850–1888). Ее произведения, посвященные описаниям природы и крестьянской жизни, созданы, следуя художественному стилю Тургенева. Особо отмечается нобелев-

ская речь Сельмы Лагерлеф, в которой она назвала своими учителями «великих русских».

В диссертации делается вывод о том, что на уровне литературных взаимовзаимоотражений фиксируется активный диалог культур через значительное количество общих литературных констант. Центральные константы русского литературного мира – Тургенев, Достоевский, Толстой и Чехов – сумели проникнуть в центр литературного тезауруса шведской культуры и «освоиться» в нем. Об этом свидетельствуют многочисленные переиздания их произведений, театральные постановки по мотивам их творчества на крупнейших сценах страны, посвященные им публикации в различных средствах массовой информации. Шведская литература также создала набор устойчивых констант в тезаурусе русской культуры, достигнув его непосредственного центра и глубоко освоившись там, в первую очередь на примере творчества Астрид Линдгрен и Сельмы Лагерлеф. Процессу «вживания» Карлсона и Нильса Хольгерссона в русскую культуру в значительной степени способствовали советские мультипликационные экранизации «Карлсона на крыше» и «Заколдованного мальчика», «русифицировавшие» шведов голосами известнейших русских актеров. Труды Августа Стриндберга, как и книги других крупных писателей-философов Скандинавии (Гамсун, Кьеркегор), менее популярны в пределах массовой русской культуры, но прочно закрепились в тезаурусе культуры высокой (элитарной), где Стриндберг широко известен как один из наиболее выдающихся писателей, философов и драматургов своего времени. Можно утверждать, что литературные константы в целом обладают более высокой способностью к проникновению в тезаурусы иных культур, с большей легкостью преодолевая политические границы и защитные мембраны тезаурусов культур. Исследование, таким образом, подтверждает уникальную функцию литературы как бесценного посредника при передаче культурных ценностей.

По мнению диссертанта, шведская литература заняла более устойчивую позицию в тезаурусе массовой русской культуры. Это объясняется тенденцией крупнейших шведских писателей к созданию книг для массового сегмента, где качественная детская литература занимает одно из главнейших мест. Принадлежность центральных произведений Лагерлеф и Линдгрен к этому жанру наделяет их, как и все детские впечатления, дополнительной «проникающей» силой. Благодаря этому свойству, шведская детская литература занимает настолько прочную позицию в центре русского тезауруса, что участвует в формировании сознания новых поколений русской молодежи на протяжении уже более полувека. Широта круга читателей наряду с отсутствием в детском тезаурусе знания о национальных различиях литературных героев позволяет книгам для детей интегрироваться в другие культуры значительно быстрее, чем литературе для взрослых.

Акцент на написании книг «для всех» соответствует, по мнению автора, генеральному направлению развития шведского тезауруса и его основным константам (в частности “lagom”). Данная тенденция также просматривается в литературах других скандинавских стран, тезаурусы которых обладают сходными свойствами: Т. Янссон (Финляндия), Г. Х. Андерсен (Дания), Э. Турбьерн (Норвегия) и др. Русская литература в этом смысле также отражает выделенные в диссертации свойства русской культуры как таковой не только по содержанию, но и по направленности на определенную категорию читателей. В полной мере оценить ху-

дожественную и философскую ценность творчества крупнейших русских авторов способен только высокообразованный человек. В этом смысле русская литература носит значительно более «полярный» (в данном случае «элитарный») характер, являясь литературой не для всех, а только для наиболее просвещенной публики во всем мире. По этой причине наследие «великих русских», закрепив за собой статус вечных классиков в области «высокой культуры» Швеции, не достигло подобного статуса у массового читателя.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и делаются выводы. Выявленный константно-концептный состав картин мира тезаурусов русской и шведской культур позволяет говорить о том, что на уровне национальных менталитетов, т. е. основополагающих принципов функционирования, степень их диалогизированности очень низка. Базовые константы шведской ментальности (индивидуализм, умеренность, современность, рациональность) противопоставляются константам русской культуры (общинность, полярность, традиционность, иррациональность). Несхожесть менталитетов Швеции и России, являясь на сегодняшний день существенной преградой для их взаимопонимания, одновременно создает необходимую основу для плодотворного диалога в будущем. На уровне литературных взаимоотражений между культурами фиксируется активный диалог, что подтверждается значительным количеством общих литературных констант.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в ведущих научных журналах и изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Иванов А. Н. От диалогов Платона к диалогам тезаурусов [Текст] / А. Н. Иванов // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 236–239. (0,4 п. л.).

2. Иванов А. Н. Развитие идеи диалога в западноевропейской философии [Текст] / А. Н. Иванов // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 232–236. (0,4 п. л.).

3. Иванов А. Н. Константы шведской культуры в свете тезаурусного подхода [Текст] / А. Н. Иванов // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 237–241. (0,4 п. л.).

Работы в других изданиях:

4. Иванов А. Н. Сопоставительно-типологический анализ концептов родства в русском и шведском языках [Текст] / А. Н. Иванов // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 1. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. – С. 49–55. (0,5 п. л.).

5. Иванов А. Н. Сельма Лагерлёф в русском культурном тезаурусе [Текст] / А. Н. Иванов // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 12. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – С. 25–30. (0,4 п. л.).

6. Иванов А. Н. Сельма Лагерлёф в русской культуре [Текст] / А. Н. Иванов // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 15. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – С. 29–41. (0,6 п. л.).

7. Иванов А. Н. Диалог шведского и русского культурных тезаурусов: проблема «русской души» [Текст] / А. Н. Иванов // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 16. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – С. 74–82. (0,5 п. л.).

8. Иванов А. Н. Константы шведской культуры: тезаурусный подход [Текст] / А. Н. Иванов // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 18. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – С. 51–57. (0,4 п. л.).

9. Иванов А. Н. Шведские писатели как составляющая русской литературной традиции [Текст] / А. Н. Иванов // Высшее образование для XXI века: VI международная научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2009 г. : Доклады и материалы. Вып. 1. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – С. 41–47. (0,6 п. л.).

10. Иванов А. Н. Русские писатели как константы шведской культуры [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 4 – Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Ivanov/> (0,8 п. л.)

102

Подписано в печать 12.05.2010 г.

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,0.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1406.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674